

Глава 5. Ему и не нужно было жить долго

За все свои двадцать с лишним лет Е Байлан никогда не встречал никого, кто был бы хоть немного похож на Ци Цзю.

Прежний «Вэнь Чжань», носивший искусно сработанную маску, был ему хорошо знаком. Тот тип слыл никчемным ничтожеством: заискивал перед сильными, попирал слабых, не смыслил ни в чем, кроме кутежей, и грезил лишь плотскими утехами. Беспольный кусок грязи, неспособный подняться из сточной канавы.

Собственно, именно поэтому Е Байлан и терпел его присутствие рядом — Вэнь Чжань был безнадежно глуп.

Подобного олуха не составляло труда водить за нос: достаточно было притвориться покорным, разыграть преданную влюбленность, и этот бездарь уже плясал под твою дудку.

Четыре года Е Байлан исполнял свою роль столь безупречно, что окружающие и впрямь считали его верным псом Вэнь Чжаня. Стоило тому пригрозить разрывом — и Е Байлан впадал в отчаяние, изображая готовность наложить на себя руки. Но стоило хозяину сменить гнев на милость, как юноша начинал изо всех сил «вилять хвостом».

Е Байлану даже нравилось это чувство.

Унижение? Какая разница. Он и сам считал себя существом низкого сорта, язвой на теле общества, от которой все старались держаться подальше.

Он затаился рядом с Вэнь Чжанем, терпеливо выжидая, и с холодным безразличием наблюдал, как все они поддаются на обман. Насмешки и издевательства не имели значения — ему нужен был лишь шанс. Один-единственный шанс.

И когда он его получит, он покончит со всем. Больше никто и никогда не сможет причинить ему боль.

Никто не посмеет даже коснуться его.

Е Байлан протянул руку. Рана на его ладони всё еще кровоточила, кожа вокруг заметно припухла и покраснела. Юноша поморщился, небрежно вытер кровь об одежду, а затем накрыл ладонью глаза Ци Цзю.

Там, в ванной, Ци Цзю сделал то же самое — заслонил ему обзор, оберегая от брызг воды и

слепящего света ламп.

Больше всего на свете Е Байлан ненавидел, когда ему закрывали глаза. В тот момент, когда Ци Цзю это сделал, юноше следовало бы переломать ему пальцы.

«Я должен был это сделать, — он опустил взгляд, пряча холодную черноту глаз за длинными ресницами. Голос его звучал глухо и надтреснуто. — Ци Цзю... Мне следовало бы сломать тебе руки и ноги, а затем выбросить твоё тело на пустырь, на растерзание псам».

Когда он вводил Ци Цзю транквилизатор, ему достаточно было чуть сильнее надавить на поршень шприца, влив лишнее деление препарата, и план был бы завершён.

Е Байлан уставился на свою руку, на незаживающую рану, и никак не мог взять в толк, что с ним происходит. Он ясно осознавал, что обязан избавиться от Ци Цзю, но сейчас против воли продолжал раз за разом прокручивать в памяти те несколько секунд.

Те мгновения, когда Ци Цзю закрыл ему глаза. Свет в ванной был невыносимо ярким, режущим; Е Байлан, этот порожденный тьмой урод, крыса из сточной канавы, чувствовал, как боль в голове достигает предела, словно в глазницы вливали раскаленную лаву.

И рука Ци Цзю отделила его от этого пылающего ада.

В той позе было нечто, пугающе близкое к объятиям. Когда-то давно, в забытом детстве, Е Байлан видел подобные сны: под ногами разверзается бездна, но кто-то подхватывает его, выносит на свет и обещает, что боли больше не будет.

Став взрослым, Е Байлан лишь презирал подобные проявления слабости. Ему не нужны были эти бесполезные чувства, он жаждал власти над семьей Е, а затем — над всеми окрестными кланами. Он хотел сожрать всё, до чего мог дотянуться, а после... после было уже неважно. Можно было предаться беспросветному разврату или просто умереть от чьей-нибудь руки.

Ладонь Е Байлана скользнула ниже, закрывая рот и нос лжеца. Он смотрел в пустоту, неосознанно усиливая хватку, перекрывая доступ воздуха, пока тело под его рукой не начало мелко биться в судорогах от нехватки кислорода.

Лишь тогда Е Байлан разжал пальцы.

Дыхание Ци Цзю участилось, ресницы затрепетали, но он так и не пришел в себя.

Подобное состояние вполне устраивало Е Байлана. Он отправил сообщение телохранителям с приказом не входить и не беспокоить его в течение трех часов, затем запер дверь спальни и забрался в постель к Ци Цзю.

Он лег на бок спиной к нему, взял руку лжеца и положил её себе на глаза.

«Пусть Ци Цзю живет. Пусть пребывает в этом вечном забытии. Держать при себе такого питомца — идея не самая плохая».

Е Байлан прислушивался к мерному стуку сердца за спиной, выстраивая новые планы. Так, во время очередного приступа головной боли, ему всегда будет где спрятаться.

/

Е Байлан отличался поразительной исполнительностью.

В последующие несколько дней он ни разу не покинул дом, всё время проводя в комнате, которую сам же подготовил для Ци Цзю. Что касается дел семьи Е, то все важные вопросы решались по телефону, совещания проводились удаленно, а документы доставляли телохранители — юноша подписывал их и тут же отправлял обратно.

Е Байлан считал, что жизнь налаживается, и единственным изъяном было лишь то, что Ци Цзю оставался недостаточно послушным. А ведь тот сам обещал, что отдаст себя на его милость.

— ...Исключено.

У Ци Цзю голова раскалывалась от забот. Одной рукой он придерживал крутящегося вокруг него «волчонка», а другой конфисковал шприц, нацеленный ему в бедро.

— Если ты еще хоть раз меня уколешь, я превращусь в решето.

В эти дни Е Байлан следовал за ним по пятам и при каждом удобном случае пытался ввести ему препарат, чтобы снова погрузить в сон. Волчонок действовал грубо, колот куда придется, даже не потрудившись выпустить воздух из иглы. В итоге на теле Ци Цзю уже красовалось несколько приличных синяков.

Ци Цзю прижал Е Байлана к кровати и, привычным движением спеленав его одеялом, перехватил его правую руку.

— Всё еще болит?

Е Байлан лежал в коконе из одеяла, злясь на то, что ему не удалось усыпить противника, и подчеркнуто отвернулся, игнорируя вопрос.

Ци Цзю, для которого этот волчонок был единственным шансом на получение комиссионных, внимательно осмотрел рану — ту уже обработали и дезинфицировали. Он наложил свежую повязку и едва закончил, как заметил, что Е Байлан снова воровато косится в сторону шприца.

— Больше никаких уколов, — отрезал Ци Цзю, пряча шприц в ящик стола и запирая его на ключ. — И этой руке нельзя касаться воды. Я сам буду тебя мыть, ты меня понял?

Е Байлан, казалось, вообще не чувствовал боли. Он не умел обрабатывать раны и не считал нужным использовать антисептики, из-за чего на следующее утро его рука сильно распухла. Ци Цзю приходилось неустанно следить за ним, оберегая порез от влаги и ежедневно меняя повязки, — лишь благодаря этому дело пошло на лад.

Е Байлан, босой и расслабленный, валялся на кровати, пока Ци Цзю возился с ним.

— Я хочу поиграть с водой, — лениво бросил он.

Ци Цзю: «...»

«Поиграй лучше в молчанку».

Глядя на него, Ци Цзю испытывал лишь досаду. Он выудил пару чистых хлопковых носков, проконтролировал, чтобы Е Байлан их надел, и вернулся к столу, где принялся лихорадочно переписывать рекомендации «золотого пальца».

В последнее время его зрение начало стремительно падать. Вероятно, это было осложнением опухоли мозга — по сюжету Вэнь Чжэня, новообразование начало давить на зрительный нерв. У Ци Цзю не было времени на водные забавы Е Байлана; ему нужно было успеть составить подробный план терапии ПТСР, пока он еще хоть что-то видел.

Е Байлан неспешно натянул носки и, болтая ногами, уселся на краю кровати, глядя в спину сосредоточенно работающему Ци Цзю. Он вдруг осознал, что этот лжец оказался куда интереснее, чем он предполагал.

Когда Ци Цзю не играл роль «Вэнь Чжэня», он выглядел так, будто ему до смерти лень даже разговаривать с ним. Он просто заставлял Е Байлана вовремя есть и тепло одеваться, с завидным упрямством обрабатывал его раны и, убедившись, что юноша не сбежал на улицу доедать отбросы, скрывался за письменным столом, погружаясь в написание каких-то таинственных заметок.

Е Байлану было лень вникать в суть этих бумаг, да и любопытства он не испытывал. Пусть пишет что хочет. Если это дневник — что ж, он с удовольствием прочтет его после смерти

автора.

— Снова голова болит? — внезапно спросил Ци Цзю, не оборачиваясь и разминая затекшую от письма правую руку.

Е Байлан на мгновение замер, лишь спустя секунду осознав смысл вопроса.

— Нет.

— Разве не у тебя в голове что-то выросло? — Е Байлан припомнил его неуклюжую отговорку, намеренно задевая болезную тему. — С чего бы это моей голове болеть?

Все эти дни он пристально наблюдал за Ци Цзю. Тот прекрасно спал, ел с аппетитом, обладал недюжинной силой и крепким голосом, а разум его был настолько ясен, что он мгновенно находил все шприцы, которые Е Байлан прятал на теле. Во всем мире не нашлось бы человека здоровее этого лжеца. Если бы юноша не вмешался, Ци Цзю вполне мог бы дожить до ста лет. Зло всегда живуче.

Ци Цзю вздохнул, закрыл колпачок ручки и, встав со стула, притянул Е Байлана к себе, заключая в объятия.

— Закрой глаза.

Е Байлан, не ожидавший такой близости, невольно вздрогнул, окутанный его запахом. Силой он явно уступал Ци Цзю, и после нескольких дней тщетного сопротивления постепенно перестал бороться.

...Но это вовсе не означало, что он перестал ненавидеть.

Стоило ему представить, что Ци Цзю выживет в его руках или сбежит, когда он ослабит бдительность, и найдет кого-то, кого полюбит по-настоящему... как в самой глубине души Е Байлана вспыхивало черное пламя.

Это был совсем не тот Вэнь Чжань, которого он себе представлял. Не бездарный прожигатель жизни, не кусок мусора, живущий на подачки. Они оба разыгрывали друг перед другом спектакль.

Ци Цзю мог бы прожить яркую и насыщенную жизнь, полную достатка, или же довольствоваться простым, мирным существованием — даже обычная трапеза и мерный ритм будней принесли бы ему покой. Стоило ему выбраться из этой комнаты с теми пятью миллионами, которые он выманил обманом, и он тут же зажил бы этой сказочной жизнью. Ему больше не пришлось бы прислуживать, терпеть угрозы и вообще когда-либо видеть Е Байлана. Случись такое, Ци Цзю до конца дней своих не пожелал бы новой встречи с ним.

«...Всё-таки мне стоит убить этого лжеца поскорее».

Е Байлан всерьез задумался об этом. Мертвый точно никуда не сбежит. Позже он сможет окончательно перебраться в этот дом — здесь было куда лучше, чем в родовом поместье Е, и по ночам спалось спокойнее. А прах Ци Цзю можно было бы поставить на телевизор.

Е Байлан утавился в грудь Ци Цзю, в его зрачках клубилась мрачная мгла; он сглотнул, и его челюсти невольно сжались.

— Что такое? — Ци Цзю опустил голову. — Не стискивай зубы.

Настроение этого волчонка менялось по сто раз на дню. Ци Цзю уже привык к его вспышкам, но знал: сжатые челюсти вызывают мышечное напряжение, что лишь усиливает головную боль.

— Расслабься. Ты стискиваешь зубы, когда нервничаешь.

Е Байлан опомнился и, запрокинув голову, посмотрел на него с ироничной усмешкой:

— Я нервничаю?

— Ладно, пусть будет по-твоему, — Ци Цзю не стал спорить и принялся мягко массировать его лицо, проводя костяшками пальцев от висков к челюсти. — Вот так, расслабься. Дыши ровнее. Запомни: когда в следующий раз станет больно, сможешь сам себе так нажимать...

Не успел он договорить, как его запястье перехватила холодная рука. Е Байлан вцепился в него мертвой хваткой, не отводя пристального взгляда:

— Сам себе? Ты куда-то собрался?

Одной рукой он обхватил Ци Цзю за плечо, его зрачки потемнели от затаенной угрозы. Несмотря на улыбку, его свободная рука уже что-то лихорадочно нащупывала за спиной.

— Ты куда-то собрался?..

Ци Цзю мысленно ответил: «Разумеется, я собираюсь на тот свет».

Умереть и получить комиссионные — это было бы лучшим выходом, ведь это задание вымотало его до предела. Ему приходилось даже мыть Е Байлана в ванне, а у того парня не было ни капли лишнего жира на теле — смотреть было неловко.

Разумеется, вслух он этого не сказал. Ци Цзю перехватил ледяную ладонь юноши и подсунул ему под одеяло теплую грелку, вложив её прямо в пальцы.

— Я никуда не ухожу.

Заодно он перевернул Е Байлана, конфисковал очередной шприц, неведомо как появившийся у того в руках, и запер его в ящике стола.

Когда Ци Цзю обернулся, Е Байлан уже отключил будильник, сполз с кровати и принялся переодеваться.

Глядя на время в телефоне юноши, Ци Цзю сверился с сюжетом и вспомнил: сегодня намечался важный прием. Настоящий «пир на весь мир», где Е Байлану расставили бесчисленное количество ловушек, желая свергнуть этого выскочку с вершин власти и втоптать обратно в грязь. Судя по всему, Е Байлан, вопреки сюжету, вовсе не был новичком в высшем свете и прекрасно понимал, что затевается на этом вечере.

Ци Цзю прислонился к стене, скрестив руки на груди, и наблюдал за тем, как юноша надевает вечерний костюм. Волчонок, который последние дни только и делал, что капризничал и валялся на кровати, теперь медленно облачался в официальный наряд, и выражение его лица стремительно менялось. Он снова становился тем, кого Ци Цзю встретил в первый раз: холодным, окутанным аурой смерти и безразличия существом, которое, впрочем, затаилось и ждет момента, чтобы вцепиться в чужое горло.

Е Байлан методично завязал галстук. Пришла очередь перчаток; он зубами подцепил край повязки на правой руке и, не обращая внимания на боль, грубо сорвал её. Ци Цзю тут же оказался рядом и, прежде чем юноша успел натянуть перчатку на открытую рану, ловко наклеил пластырь.

Е Байлан: «...»

— Симпатично. Я нарисовал тебе там «Крыло Смерти», — небрежно бросил Ци Цзю, помогая ему надеть черную перчатку. — Теперь ничего не видно.

Е Байлан не сопротивлялся, застыв на месте; его опущенные ресницы скрывали ледяной блеск глаз.

— Я пойду с тобой, — решил Ци Цзю, планируя внедрить еще один «золотой палец». — Согласен?

Веко Е Байлана едва заметно дрогнуло. Он посмотрел на Ци Цзю, и в его взгляде

промелькнула насмешка:

— Ты пойдешь со мной?

Он прикоснулся к воротнику Ци Цзю. Должно быть, в последние дни он был слишком снисходителен к этому лжецу, раз тот забыл о своем положении.

— И как мне тебя представить? Мой заклятый враг, пленник или... бывший любовник?

Ци Цзю почувствовал, как по спине пробежал холодок от его шепота на ухо. Он поежился, стряхивая мурашки:

— Ладно, забудь.

Перехотелось. Пусть эти коммиссионные забирает кто угодно — его чести и так нанесен урон, раз его уже в бывшие любовники записали.

Е Байлан, видимо, не ожидал, что тот так быстро сдастся. В его глазах вспыхнул интерес, он притянул Ци Цзю к себе и, заглядывая в лицо, с улыбкой произнес:

— Какой же ты упрямый. Ты вообще умеешь быть лжецом?

Ци Цзю и не умел:

— Всё, я умываю руки. Ты занимайся своими делами, а я — своими.

Эти слова были сказаны вскользь, но зрачки Е Байлана угрожающе сузились, и он с такой силой сжал руку Ци Цзю, что его собственная рана едва не открылась снова.

Ци Цзю, не спускавший глаз с этого не чувствующего боли волчонка, ловко перехватил его за запястье и прижал к себе:

— Успокойся, я не сбегу.

Подумав, он добавил:

— Будь осторожен на приеме.

Е Байлан прищурился. Его взгляд оставался мрачным, в нем не было ни тепла, ни света, лишь отражение Ци Цзю, который старательно осматривал его руку. Юноша знал: этот лжец

напрашивается с ним лишь для того, чтобы завести знакомства среди «высшего общества», найти покровителя и сбежать. Но это не имело значения — он не позволит этим несбыточным мечтам осуществиться. Пока Ци Цзю жив, он будет принадлежать только ему, а если умрет — то лишь от его руки.

— Я возьму тебя с собой, — сказал Е Байлан. — Раз уж тебе так нравится возиться с пластырями, будешь моим личным врачом.

Ци-обожатель-пластырей-Цзю: «...»

— Собирайся, я велю принести тебе одежду, — Е Байлан отпустил его руку, взял трость и, прихрамывая, направился к двери. — Но если ты посмеешь сбежать...

Если Ци Цзю решится на побег... у юноши появится прекрасный повод заставить этого человека остаться с ним навсегда. Он превратит эту спальню в больничную палату, наймет сиделок — содержать «овоща», который никогда не придет в сознание, не так уж и сложно.

Е Байлан на мгновение замер в дверях, задумчиво вертя в пальцах край пластыря на ладони. Ци Цзю не спешил идти следом. Юноша нахмурился — он терпеть не мог, когда его распоряжения не выполнялись мгновенно. Он недовольно обернулся:

— Ци Цзю?

Тот стоял посреди комнаты, словно в забытьи. Взгляд его был расфокусирован, и, сделав шаг вперед, он неловко задел тумбочку.

— Совсем рассудок потерял? — фыркнул Е Байлан, возвращаясь и беря его за руку. — И в таком виде ты собрался сопровождать меня?

Ци Цзю послушно последовал за ним, обходя препятствие:

— И впрямь, неловко вышло.

...Черная пелена перед глазами начала рассеиваться. Ци Цзю несколько раз моргнул, и зрение медленно вернулось в норму. Симптомы опухоли становились всё отчетливее; вероятно, из-за отсутствия лечения болезнь прогрессировала быстрее, чем ожидалось. Сомнительно, что он сможет оставаться в ясном сознании все эти одиннадцать месяцев.

Ци Цзю потер глаза, стараясь сосредоточиться. На улице шел снег — должно быть, там жуткий холод. Е Байлан на редкость послушно надел теплое пальто и теперь, держа его за руку, нетерпеливо вглядывался в его лицо.

Ци Цзю невольно улыбнулся и, проигнорировав протестующий взгляд юноши, ласково взъерошил ему волосы.

Ему и не нужно было жить долго. Если он продержится рядом с этим волчонком до осени, его миссия по передаче «золотых пальцев» будет завершена.

<http://bllate.org/book/16113/1586838>